

ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН

401

КОЛОКОЛА СОБОРА ЧУВСТВ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН
В 3-Х ЧАСТЯХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВАДИМ БЕРГМАН
ЮРЬЕВ-TARTU (ЭСТОНИЯ) 1925

Эта работа исполнена в январе 1923 г.
Eesti, Toila.

Est. A

28303

22288677

Типография Эд. Бергман, Юрьев

Два предислова

1.

Когда я в стихах фривольно
Пишу о минувшем дне,
Я делаю многим больно,
Но делали боль и мне...

Ведь, всё-таки я ироник
С лиризмом порой больным...
Смешное семейныхъ хроник
Не может не быть смешным...

Владимир Иваныч, милый!
Узнал ты себя, небось?
Ну что-же, в ответ „гориллой“
И ты в меня в шутку брось!..

И все вы, и все вы, все вы,
Кого осмеял шутя,
Простите мои напевы
Затем, что поэт — дитя!..

2.

Чем проще стих, тем он труднее.
Таится в каждой строчке риф.
И я в отчаяньи бледнею,
Встречая лик безликих рифм.

И вот передо мной дилемма:
Стилический ли выкрутас,
Безвыкрутасная-ль поэма,
В которой солнечный экстаз?..

Пусть будет несколько сырое,
Обыденное во втором,
Но выбираю я второе
Своим пылающим пером!

И после Бедого и Блока,
Когда стал стих сложнее, чем танк,
Влюбленный в простоту глубоко,
Я простотой иду *va banque!*

Виденья введенья

В соборе чувств моих — прохлада,
Бесстрастье, благость и покой.
И высится его громада
Над всей небожностью людской.
В душистом сумраке собора,
Под тихий мерный перезвон,
Лампады нежности у взора
Глубокочтимых мной икон.
Но прежде, чем иконным ликом
Отпечатлеться на стене,
Живущая встречала криком
Любви меня, и шла ко мне
Доверчиво, порывно, прямо,
Всё отдавая, ничего
Взамен не требуя. Для храма
Она отныне божество.
Мои возлюбленные — ныне
В соборе вечных чувств моих
Почили в мире, как богини.
И перед ликами святых
Клоню благоговейно стих
И поклоняюсь их святыне.

В тяжелые часы сомнений, —
Под старость страшные часы, —
Я в храм несу венки сирени
Для ликов мертвенной красы.
Несу фиалки и мимозы,
Алозы, розы и крэмозы

И воскурю фимиам,
И на иконах небылозы,
Рубинные роняя слёзы,
Вздыхают по минувшим дням.
И между тем, как сердце мечет
Прощенье мне и ласку льет,
Бубенчик ландыша щебечет
И лилий колокол поет.
В тиши я совершаю мессы,
Печальный траурный обряд,
И все они, мои принцессы,
Со мной беззвучно говорят.
И чем звучней беззвучный шопот,
И чем незлобивей слова,
Тем тяжелее мне мой опыт
Уничтоженья божества...
Но стоны муки прерывая,
Так гулко, что трепещет мгла,
Поют, что мертвая — живая
Собора чувств колокола!

И оживленные иконы
Изнедриваются из рам, —
И все мои бывшие жены
Толпою заполняют храм.
И молвят речью голубою,
Приемля плоть, теряя прах:
— „Обожествленные тобою,
Мы бессмертны в веках...
За это нет в нас зла и ме ти,
Пей всепрощенье с наших уст“... —
И вторят им, сливаясь вместе,
Колокола собора чувств.

Часть I

Берете Вы, Господь Вас вылечь,
От недостойных новичков —
Бездарных жалких графоманов
И симулянтов, и болванов,
Хотящих Ваших пяточков
И более чем легкой славы“... —
Перегружать пугаясь главы
Подробностями, я лечу
На грёзовом аэроплане
Вперед, вперед, поставив Ване
За упокой души свечу:
Зимой следующей, бритвой,
Он перерезал горло. Что
Его заставило, никто
Не знает. Грустною молитвой
Собрата память осень,
Я вдаль стремлюсь; влечет меня
Уютный мыс воспоминанья,
Где отдохнуть от лет лихих
Среди когда-то дорогих
Людей смогу я, друг мечтанья.

2.

В студеный полдень октября, —
В такой обыденный, но вещий, —
У Сологуба на Раз'езжей,
От нетерпения горя
Увидеть стильного эстета,
Я ждал в гостиной. На стене
Лежала женщина в огне
Дождя при солнце. Помню, эта
Картина, вся лучистый зов,

Запчѣлила виолончель,
Ударил по сознанию хмель,
И трельный рокот соловьиный
Объял всю комнату: то я
Читал, восторг в груди тая, —
Читал поэт перед поэтом!
Смягчая лаской строгий глаз,
Меня он слушал. Мой экстаз
В поэте, чтеньем разогретом,
Святые чувства всколыхнул.
Он улыбнулся, он вздохнул...
И понял я, что было в этом
Так много доброй теплоты
И разволнованной мечты.
В дверях Настасья Николавна,
Его сотрудница и друг,
С улыбкой появилась вдруг...

4.

За чаем мы болтали славно,
Иронизируя над тем
Или иным своим собратом
И критиком, совсем распятым
Гвоздями наших ядных тем...
Так совершился мой восход:
Поэт был очарован мною, —
Он вместе со своей женою
Немало приложил забот,
Чтоб выдвинуть меня из мрака
Безвестности. В разгаре драка
В то время с критикой была
У юноши. Его признание

Меня — в огонь подлило масл,
Но был огонь уже угасл,
И, несмотря на все старанья
Презренных критиков, взошел
Я на Поэзии престол!
Недели через две в салоне
Своим дал вечер мне Кузмич.
За ужином сказал он спич
В честь „блещущей на небосклоне,
Вновь возникающей звезды“,
И приглашенные светила
Искусства за мои труды
Меня приветствовали мило
И одобчительно. А „Гриф“
Купил „Громокипящий кубок“,
И с ним в горнило новых рубок
И сеч пошел я, весь порыв.

5.

В те дни еще со мной по свински
Не поступал никто, и вот
Уже мы с Сологубом в Минске,
Где вечер Сологуб дает,
С участием Чеботаревской,
Его жены, и — слава им,
Меня повезшим! — и с моим . . .
Мы едем с помпой королевской,
Пьем в ресторанах только Мумм
И производим всюду бум,
Встречаемые молодежью,
Уставшею по бездорожью
Литературному брести

И ныне нам, во славу Божью,
Венки решающей плести.
В разгаре вечер. Старый лектор,
Сошедший с кафедры, под плеск
Ладоний, свой смакует блеск
И пьет хвалы живящий нектар.
Вдруг в лекторскую голоса
Врываются: под смех и взвизги,
Двестарших классов гимназистки,
Как стрекоза и с ней оса, —
Летят на Сологуба прямо,
И старшая, смотря упрямо
И пристально в глаза ему,
Твердит: „Люблю Вас, — потому
Вас целовать не знаю срама“.
И с этими словами в лоб
Поэта длительно целует.
Жена, конечно, не ревнует:
Ведь дети вроде антилоп:
Невинны и наивны. Эти-ж
Еще так юны. Как-же встретишь
Причуды и проказы их,
Как не улыбкой губ своих?
Поцеловав, смеется звонко
И вдруг конфузится она,
И шепчет голосом ребенка:
— „Я Сонечка Амардина“ ...

6.

— „Вы не завидуете“, спросит
Меня читатель: „Что не Вас
Поцеловать девица просит,

Взобравшаяся на Парнас? "
Что значит зависть? вот, во первых,
Мой вопросительный ответ.
А во-вторых, играть на нервах
Самостоятельно поэт
Привыкший, знающий секрет
Несравнимаемых успехов,
Вам холодно ответит: „Нет“.
Бряцающая золотом доспехов
Своей одаренности, в те дни
Поездки первой по России,
Я покорял толпу впервые
И зажигал в сердцах огни.
В тончайшей лекции своей
Про „Дульцинею“ и „Альдонсу“
Мне из похвал поэт лил бронзу
И пел меня, как соловей.
„Блестательнейший из всех
Поэтов, здравствующих ныне“ —
Он называл меня. Успех
Ему обязан мой. О сыне
Заботится ли так отец,
Как обо мне старик, певец
Елисаветы и Маира?
Ему, поэту, и жене
Его я вечно благодарен:
Она всегда лучиста мне,
Он неизменно светозарен.

Признался как-то мне Кузнец,
Что в первые-же дни знакомства,
Моих стихов победный клич
И их всевластное огромство

В его душе зажгли такой
Ответный отблеск, что он тенью
Вокруг квартиры, где с мечтой
Я жил, блуждал, дыша сиренью
Живительной моих стихов.
За это я любить готов
Его восторженность весеню.

7.

Из Минска в Вильно, а оттуда
Чрез Харьков в Катеринослав,
Дурманя головы от чуда
И блеска двух слиянных слав.
Оттуда в пеструю Одессу,
Попутно Пушкина повесу
Невольно вспомнив. Вот и Пост
Великий — время запрещенья
Стихов и песен. Посещение
„Гамбринуса“, и с Сашкой тост
За Куприна. Автомобили
В „Аркадию“. И де-Рибас,
Юшкевич, Лоэнгрин и Нилус,
И Щепкин с Федоровым. Час
Или неделя? Что случилось
За это время? Сологуб
Придумал нам пока забаву:
Поехать в Крым, а сам в Полтаву,
В страну окороков и круп,
Вишневых хуторов и смеха,
Нас в Ялту проводив, уехал
Покушать малоросский борщ
И лекцию прочесть хохлушкам —

Как там ты брови не топорщ! —
Такою чуждую их ушкам,
Привыкшим к шопоту Грицко,
В котором мед и молоко . . .
На дряхлом пароходе „Пушкин“,
Лет двадцать шесть тому назад,
В год моего рожденья, тело
Семена Надсона несмело
Привезшего из Крыма, взгляд
Последний бросив на Одессу,
Мы вышли в море, за завесу
Тумана, кушая цыплят
И запивая их Удельным . . .
О, не был наш маневр безцельным:
Кур за детей их не кляня,
Я качку перенёс геройски, —
Не даром капитан „по свойски“
Бороться с ней учил меня . . .
Мафусанльчат, весь проржавен
И валчат, с горем пополам
Шел этот „Пушкин“, как Державин
По взбудораженным валам . . .

8.

С Настасьей Николавной в Ялту,
Заехав в Севастополь, мы
В разгар Таврической зимы,
Попали к вечеру. Принял ту
Красу я тотчас. От Байдар
Вдоль побережья нас автобус
Извилисто стремил. Мы оба
С восторгом на морской пожар —

Заход светила — любовались.
Когда-же Сименз, отдалясь
Своею мраморною тьмой,
Исчез, казалось нам, в самой
Пучине моря, мы отдались
Иным красотам, и Мисхор
Привлѣк взыскательный мой взор.

В большой гостиннице „Россия“,
Где мы остановились, я
Узнал, что многие больные
Живут в ней, и, портѣ прося
Мне сообщить — не здесь ли тоже
И Мравина, ответа с дрожью
Я ждал, и был его ответ:
„Они живут здесь много лет“.
Я к ней вошел, и мне навстречу —
О, как я боль свою оречу! —
Поднялся... скрюченный скелет.
Улыбкой выблеклой встречая,
Без голоса и без лица,
С печатью близкого конца,
Она мне предложила чая.
Она была в рядах светил,
В нее влюблялись без рассудка, —
И вот туберкулѣз желудка
Ее в руину превратил.
Ужель она была Снегурка,
Татьяна, Джильда и Лакмэ?
Удел людей — удел окурка.
Так все истлеем мы во тьме.
Смотря на солнечное море,
Умолк я грустный у окна...
Она скончалась после вскоре,

И стала вновь собою она:
Искусство вечно выше жизни,
И жрец его — сверхчеловек,
В какие рамки нас не втисни
И как не дей из нас калек!..

Мы в Ялте пробыли дня два лишь
И наняли автомобиль
На Симферополь, снегоньль
Вздымив. О, как меня ты жалишь,
Змея воспоминанья! — в край
И олеандров, и магнолий
Меня вдруг повлекло всей волей...
Оттуда мы в Бахчисарай
Проехали, и в Симферополь, —
В татарский город сволочей, —
Вернулись на неделю. Чей
Там облик властвовал? Европа-ль?
Иль Азия? Ах, для очей,
Конечно, запад! Но для духа —
Монголка и, при том, старуха...

9.

А там и дорогой Кузмич
Приехал вскоре к нам в Симфери.
Одна забавная афера
Произошла тогда. Не бычь
Свои глаза, быкообразный,
Но добродушный дилетант:
Твой добродетельный талант
Развенчивать мне нет соблазна.
Наоборот: ты очень мил,

Сердечен, мягок, деликатен,
Но и на солнце много пятен,
А ты, ведь, солнца не затмил!..
Так вот один купец-богач,
Имевший дом, сестру и маму
И сто одну для сердца даму,
Пёк каждый день, но не калач,
А дюжину стихотворений
И втайне думал, что он гений.
Купец был ультра-модернист
И футурист; вообще, был „ультра“,
Приверженец такого культа,
Какому очень шел бы хлыст...
Он, например, писал: „Сплету
На грудь из женщин ожерелье,“
Чем приводил всегда в веселье,
Ему внимавших налету.
Нелепость образа смешна:
Каким же нужно быть колоссом,
Чтоб жемчугам длинноволосым
Дать место на груди? одна
На нём повиснувшая дева
Его склонила-б до земли,
А несколько — кишки из чрева
С успехом выдавить могли...
Томимый жаждой славы, он
Решил истратить сотен восемь,
Чтоб влезть на славы пышный трон,
А потому, придя к нам — „Просим
К себе на вечер“, он сказал.
Мы были там. Огромный зал
Был декорирован венками.
Гирлянды вились через стол.

Там ело общество руками,
И всё, как следует... Он шол
Вокруг стола, завит, во фраке,
Держа в одной руке „Банан“,
В другой-же водку. Гость же всякий
Ему протягивал стакан.
Хозяин спрашивал: „Вам водки
Или ликера — под омар?“
Гость залпом пил ликер и, в жар
Бросаемый, куском селёдки
Затем закусывал, кряхтя...
А он, безгрешное дитя,
Стремился дальше, и бутылки
Осматривали всем затылки.

10.

Ростов с его живой панелью, —
Тысячеликою толпой,
В фонарный час вечеровой
Блуждающей, и гимн безделью
Поющей после дня труда,
И Дона мутная вода,
Икра ростовская и улиц
Нью-Йорковая прямота, —
Весь город миллионоулец,
Где воздух, свет и чистота,
Всё это выпукло и ярко
Запечатлелось навсегда,
И даже толстая кухарка
В „Большой Московской“, что тогда
Раз промелькнула в коридоре,
До сей поры видна глазам...

Екатериендар... А там
Солончаки, унынье, море
Каспийское, верблюды, киргиз,
Баку, Тифлис и, в заключенье,
Декоративный Кутаис,
Где непонятное влеченье
И непревиденный каприз
Мне помешали до Батума
Добраться с милою четой:
От впечатлений и от шума,
От славы внешне-золотой
Я вдруг устал и, — не взирая
На просьбы дорогих людей
Турнэ закончить, и до края
Кавказа, через пару дней,
Доехать с ними, чтобы вместе
Затем вернуться на Неву, —
Упорно не склонил главу.
И плавно бросился... к невесте,
Которую в пути моем
Судьба дала мне. С ней вдвоем
До Петербурга добрались мы.
И понял я тревоги смуть,
Меня толкнувшую на грудь
Моей Гризельды. Эти письма
На мутной желтизне листков,
Сожжённые давно! готов
Я воскресить их для поэмы:
В них столько животворной темы.
Чета писателей меня
На поезд нежно проводила
И продовольствием снабдила
До Петербурга на три дня.

Цвета, конфеты, апельсины —
Мне дали всё, — и на Рион
Пустился я увидеть сон
Любви весенне-соловиной...

Но прежде чем помчаться дальше
И продолжать со мною путь,
Прошу вас раньше заглянуть
К одной тифлисской генеральше,
Устроившей для нас банкет
И пригласившей сливки знати
Армянской, и послушать встать,
Что о Тифлисе вам поэт
Расскажет через десять лет.

II.

Над рыже-бурою Курою,
В ложбине меж отлогих гор,
Красив вечернею порою
Он, уподобленный герою,
Кавказский город-златовзор.
Иллюминирован фонарями,
Разбросанными там и здесь,
Под снежно спящими горами
Он весь звучит, пылает весь.
Его уютные духаны
Выходят окнами к реке,
В которой волны, как шайтаны,
Ревут и пляшут вдалеке.
Порой промчится в челноке
Какой-нибудь грузин усатый
С рыдающей в руках зурной,

Иль прокрадётся стороной
По переулкам, вороватой
Походкой, мародёр ночной.
Гремят бравурные оркестры,
Уныло плачет кяманча.
Все женщины — как бы невесты:
Проходят взорами бренча,
Вас упоительно милуя.
Всё жаждет песен, поцелуя
И кахетинских терпких вин.
И страсть во взорах альмандин
Зажгла, чье пламя, вспыхнув, хочет
Собою сжечь грузинок очи.
В такую бешеную ночь,
Когда прикованы к ракете
Тифлисцев взоры, на банкете
Собрались мы. Пусть, кто охоч,
Подробностями уснащает
Повествовательный свой рот,
Но я не тот, но я не тот:
Естественно, что угощает,
Кто пригласил к себе народ...
Не в пире дело, а в Тифлисе,
В его красотах и в сердцах
Его красавиц, в их очах,
И, — на ушко скажу Фелиссе, —
В его помешанных ночах...
Один из призванных хозяйкой
Армянских богачей-вельмож
Встает и, взявши в руки нож,
Стучит и, свой фужер Ямайкой
Наполнив, держит тамада —
Речь в честь меня высоким слогом:

Он в ней меня венчает богом,
С небес сошедшим к ним сюда.
О, дни моей непревзойдённой
И несравненной славы! дни
России в гения влюблённой,
Господь вас в мире сохрани!

12.

Курьерский поезд вёрст полсотни
И больше проходивший в час,
Меня на север влѣк; бесплотней
И низменнее стал Кавказ.
Я вышел на площадку; вскоре
Две девушки пришли туда.
Одна с мечтой больной во взоре,
Мерцающею, как звезда,
Миниатюрная шатѣнка
С бескровным мертвенным лицом,
Смотрела мне в глаза, при чём
Я видел: голубела венка
У незнакомки на виске...
И захотелось мне, в тоске,
Обняв ту девушку, заплакать,
Не понимая сам о чём...
Одна из них ушла до мрака.
Темнел час вечера. Плечѣм
Мне полюбившаяся резко
И так неожиданно повела
И вдруг сказала: „Я была
В Тифлисе на концерте. Блеска
Не мало в чтеньи Вашем. Я
Вас полюбила.“ — „Ты моя,“

Я прошептал. И не устами —
Полузакрытыми глазами
Она ответила: „Твоя“ ...
Моя Гризельда! где ты ныне,
Утерянная десять лет?
Я припадаю. как к святыне,
К твоим ногам. Глубокий след
В моей душе твоей душою
Отпечатлен. Как много слёз
Я пролил по тебе! я нёс
Любовь к тебе всегда живую
Дни, месяцы, года. Я сам
Тебя покинул, голосам,
Звучавшим лживостью, подвластный.
Гризельда! нет тебя прекрасной!
Со мною нет тебя! Жива-ль
Еще ты, нежная? Мне жаль
Тебя, утонченный ребёнок,
Чей профиль так печально-тонок,
И чья болезненная страсть
Тебя толкнула рано пасть ...
Ты явь иль сон? ты жизнь иль грёза
Была ли ты иль не была?
Тебе, бывшая небылоза,
Собора чувств колокола.

13.

Роман наш длился две недели,
И был поэмой наш роман.
Дни соловьями нам пропели,
Но вот сигнал разлуке дан:
Другая женщина, с которой

Я прижил девочку, в мольбе
К ногам склонилась. О тебе,
Своей грузинке грустновзорой,
Я помнил свято, но она
Изменой так потрясена
Моей была, и так молила
Ее с ребенком не бросать,
Что я сбежал — и это было! —
В лесную глушь, а там, опять
Спомнясь, звал тебя, страдая,
Но покорил, но превозмог
Свою любовь к тебе: у ног
Моих она, немолодая,
В печали билась головой...
Я прожил лето сам не свой,
Запоем пил, забыл знакомых
И чуть не одичал совсем, —
В тяжелых пьяных полудрёмах
Всё повторял: „Зачем? зачем?“
Моя Гризельда! ты, белоза!
Ты слышишь вопль и пальцев хруст?
Тебе, бывшая небылоза,
Колокола собора чувств.

Часть II

I.

Погода или Теккерей,
Чей том читал я на диване,
Но серый день еще серей
Стал к вечеру, и в свежей ране
Моей потери, несмотря
На тлен отлетенного лета,
Боль тихо теребит заря,
Исполненная арбалета
Свиданий нежных на заре
С моею призрачной грузинкой,
Растаявшей живой снежинкой
Весенних яблонь. В сентябре
Меня вы застаете с книгой,
И на предложенное: „Двигай!“
Рассеяв прошлого туман,
Охотно двигаю роман.

Звонок. Шаги. Стук в дверь.
— „Войдите!“ —

И входит девушка. Вуаль
Подняв, очей своих эмаль
Вливает мне в глаза, и нити
Зелёнобронзовых волос
Капризно тянутся из кос.
Передает букет гвоздики
Мне в руки, молча и бледна,
Ее глаза смелы и дики:

— „Я Сонечка Амардина“. —
Я вспомнил Минск, концерт, эстраду,
Аплодисментов плёсткий гул,
И, смутную познав отраду,
Я нежно на нее взглянул.
— „Вы помните?“ — „О да, я помню“...
— „И Вы хотите?“ — „Да, хочу“...
И мы в любовь, как в грёзоломню,
Летим, подвластные лучу
Необъяснимого влеченья
И, может быть, предназначенья
Повелевающей судьбы,
Ее покорные рабы.
И если это всё не сразу,
С двуразия наверняка:
Перебивает фраза фразу,
И в руку просится рука,
И губ так жадно ищут губы,
Глаза вливаются в глаза...
... Ах, все поэты — Сологубы,
Для девы с именем „Гроза“!...
— „Бежим, поэт мой, на утёсы!
Над бездной встанем, отдадим
Себя себе и под откосы,
В момент слиянья, полетим“... —
Не в этом ли четверостишии
Вся сущность Сонкиных речей,
Ее громокипящей тиши,
Ее целующих очей,
Смотрящих в душу поцелуев,
Что мотыльчат, мечту балуя...
Она ко мне по вечерам
Ходила чуть не ежедневно.

Ее любовь была напевна
И уподоблена коврам
Текинским — по своим узорам...
Я влекся к ароматным взорам,
К благоухающим устам;
И вся она, блондинка Сонка
С душою взрослого ребенка —
Сплошной живящий фимиам.
Но вот настали дни каникул,
И все курспетки по домам.
Так я Гризельды не отмыкал,
Как принял Сонку в грёзный храм.

2.

Селим Буян, поэт Симфериополя,
Решил устроить торжество:
Он пригласил на Рождество
Меня, в поэзии эс-эра,
А Игорь, в очередь свою,
С улыбкой исхитро-бесовской
Собрал артистов семью:
Бурлюк, Игнатъев, Маяковский.
Игнатъев должен был доклад
Прочесть о новом направлении,
А мы — стихи, и, в заключение,
Буян решил свой мармелад
Дать на десерт: „лирионетты“
И „баркароллы“, как стихи
Свои он называл: лихи
Провинциальные поэты...
Всё вместе взятое звалось
„Олимпиадой Футуризма“.

Хотя Буян был безголос,
Но в нем не мало героизма:
Напудренный и завитой,
Сконфуженный и прыщеватый,
Во фраке с лентой голубой
Вокруг жилета, точно ватой
Подбитый весь, „изящный“ шаг
Выделявал по тренировке,
И выходил медвежьи ловкий,
За свой муаровый кушак
Держась кокетно левой ручкой,
А в правой он имел платок,
Обмахивая им роток,
Весь истомлен поэзной взбучкой...
Такие типы, как Буян,
Который голос свой осипил,
Идеей славы обуян,
Типичный тип, и я отипил
Его, как типовый баян.
Все знают, как Давид Давидыч
Читает: выкриком, в лорнет
Смотря на публику, и нет
Смешного в гамме этих выдач
Голосовых; в энтузиазм
Бурлюк приводит зал. И злобно,
Чеканно и громоподобно,
Весь мощь, спокойно, и без спазм
Нервических, по залу хлещет
Бас Маяковского. Как я
Стихи читаю, знает точно
Аудитория моя:
Кристалльно, солнечно, проточно.

3.

Стремясь на юг, заехал на день
За Маяковским я в Москву,
Мечтая с ним о винограде
Над Черным морем. Я зову
Его поехать на ночь к „Зону“;
Нас провожает „Мезонин
Поэзии“, и по газону
Его садов, пружа резин
Круги, несется лимузин.
За ним спешат на дутых шинах
С огнем оглобель лихачи:
То едут, грезя о кувшинах
С бордосским, наши смехачи:
Сам Велимир зелено-тощий, —
Жизнь мощная, живые мощи, —
И тот, кто за нос зло водим
Чужими музами, галантный,
Сам как „флакон экстравагантный“,
Наш Габриэлевич Вадим...
Затем Якулов и Лентулов,
Виновники в искусстве гулов,
Талантливая молодёжь,
Мплей которой не найдешь...

4.

Ночь, день, вторая ночь, и к утру
Дня третьего — пред нами Крым.
Свои прыщи запрятав в пудру
И тщательно устроив грим,
В бобровой шубе, в пышной шапке,
Селим Буян берет в „охапки“

Нас с Маяковским. Мы к нему
В санях несем. Горожане
Гадают: „Знатные волжане —
Купцы, должно быть“ ... Потому
Мы смотрим на прохожих важно,
В санях разбросав авантаж.
Но вскоре Симферсполь вестью
Животрепещущей об'ят:
Участники „Олимпиад“
Уже приехали! и честью
Считает житель, если взгляд
Футуристический уловит ...
Но что-же нам Буян готовит?
Саженных тысячи афиш
Твердят упорно шрифтом жирным
О происшествии всемирном:
О нашем вечере. И шиш
Зажав в кармане, мой Володя
Смеется едко, „нео-модя“ ...
— „А где-ж Игнатъев и Бурлюк?“
Спросил Буян, платком махая.
— „Судьба их, знаете, лихая:
Они упали через люк“ ... —
— „Какой? куда? да говорите-ж!“ —
Вскричал взволнованный Селим.
— „Они упали в город Китеж,“
Мы сокрушенно говорим
— „Что значит Китеж?..“ он растерян,
Он обеспудрился дрожа.
— „Я просто вру, как сивый мерин“,
Сказал Володя, без ножа
Селима бедного зарезав ...
Он лишь тогда пришел в себя

И, захихикав, из „поэзов“
Вдруг забаранил „бе“ и „бя“ ...

5.

Буянов дом для нас распахнут:
Пекут три бабы пироги,
И комнаты „планжем“ пахнут,
Белье ласкают утюги;
И чижики поют нам славу,
Подвешенные под окном;
Сестра изображает паву,
Как бы разнеженную сном
Искусства нашего. И мебель
Одета в чистые чехлы;
И раболепно, как фельдфебель,
Обшныривает все углы,
Во всём нам угождая, сёстрин
Случайно купленный супруг,
Чей дисциплиной лик заострен...
Супругу дан женой сюртук,
Супруг имеет красный галстук
И сизый нос, и трухлый мозг,
И на носу коньячный лоск,
И на устах всегда: „Пожалуйста“ ...
И только стоит мне слегка
Привстать, как привстают все разом;
Иль посмотреть на облака,
Как все на небо лезут глазом...
А если Маяковский гром
Густого кашля тарарахнет,
Семья присядет в страхе, ахнет
И заперхает вчетвером...
Когда-ж, читая что-нибудь,

6.

Режим подобный не по нраву
Поэтам, от него больным,
И вот мы требуем, по праву,
Беспрекословным и стальным —
Эстрадным! — голосом: свободы
И переезда в номера.
Переезжаем и „ура!“
Кричим, и жадно ищем броды
В кафэ-шантанной глубине...
А между тем „Олимпиада“
Всё приближается: о дне
Ее — афишная громада
Оповещает городок:
Через неделю. Этот срок
Решаем мы на Крым истратить,
Чтоб силы, возвратясь, оратить
И дать рутине грозный бой,
Поднявшей в местной прессе вой...
Забавно вспомнить: две газеты
Чуть не дрались из-за меня.
— „Он создал слово „триолеты“,
Значенье нам не объясня...“ —
Одна из них твердила тупо:
— „Что значит „триолет“? как глупо
Звучит сей дикий „триолет“! —
Я хохотал до слёз — в ответ...
Иван Игнатъев все не едет
И шлет десятки телеграмм,
В которых смутно что-то бредит,
Но не бредет в Тавриду к нам.
Давно Бурлюк уже под'ехал,
Досуг наш дружески деля.

О, сколько было тем для смеха!
Какие для забав поля!
... Бристоль. Британочка. Людмила.
Мозга ящики. Авто.
Нелепо, пусто, но и мило,
И впечатлительно зато! ...
С утра шампанское и булки,
Чай, Оливье, газес, икра —
Все в перемешку! и с утра
Автомобильные прогулки
В Бахчисарай и на Салгир,
В Гурзуф, Алушту, просто в горы.
Какие выси и просторы!
И пир, как жизнь! и жизнь, как пир!
Живем мы праздно на Салгире,
Жуируя средь „медных лбов“ ...
А между тем, в подлунном мире
Есть город, названный „Тамбов“.
И в этом названном Тамбове
Есть дева, ждущая любви
(Дабы не осквернить любви,
Падеж слегка переиначу ...)
И эта дева, на удачу,
С девизом: „Жениха лови!“
Мне письма шлёт и телеграммы,
Где свадьбы назначает час ...
Что-ж, я готов! Володин бас
Меня спасительно от драмы
Женитьбы вдруг предостерег ...
Вот что мне этот бас изрёк ...
— „Она ко мне пришла нагою,
Взамен потребовав венца.
А я ей предложил винца

И оттолкнул ее ногою" . . .
А из Москвы мне пишет Лида
Слегка во вкусе fleur d'orange,
И в письмах тех сквозит обида
На разных театральных ханж . . .
Из Минска посылает Сонка
Своих экстазов сувенир.
О, если необ'ятен мир,
Об'ятна каждая девчѐнка!

7.

Но вот уже „Олимпиада“,
Так долго жданная, в былом,
И разношѐрстая плеяда
Поэтов лезет на пролом
На Севастополь, повторяя
Победоносный вечер свой,
И с поднятою головой
Докатывается до края.
Зовѐтся Керчью этот край,
Где „от тоски, хоть умирай“.
Но происходит здесь размолвка
Из-за каких-то пустяков;
И вечер дав, с ухваткой волка
Затравленного, из оков
Антрепренѐрства, много тысяч
В своем убавив кошельке,
Буян, в сметеньи и тоске,
Выскальзывает. Жаждем высечь
Его за что-то. Я сердит,
Я принимаю грозный вид,
Надменно требую расчета,

Сажусь в курьерский — и домой.
Бурлюк с Володей тоже что-то
Ворчат по поводу помой
И горе-купчиков. И мой,
Покинутый Селим Буян,
В сраженьи потеряв колчан,
В Симферио едет от керчан.

Я возвращаюсь, радый лавру,
Еще вплетенному в венок,
И чуть не упадаю с ног:
По Старо-Невскому, на лавру,
Печальный движется кортёж.
Кто, сердце надрывая, стонет?
Откуда эта молодёжь?
— Жена Игнатьева хоронит.

Часть III

I.

Должно быть, всех червей червивей —
Тщеславья неунывный червь :
Позабывает о разрыве
Буян, и тащит, как на верфь
Суда, на биржу для ремонта
Ряд государственных бумаг
И, думая затмить Бальмонта,
Предприимает новый шаг
К смеющейся и скользкой славе :
Буяна генеральный штаб,
Ограндиозив свой масштаб,
Решает, что орлу двуглавей —
Помпезней быть, и в этот раз
Не только Крым, но строй всех рас,
Живущих на земле, Буяна
Обязан знать ; и вот он рьяно
Мне пишет, свой шикаря слог,
И предлагает кошелек.
Что-ж, импрессарио мне нужен,
Как всякому желудку ужин . . .
А если он еще к тому-ж
Богат, почтителен, не муж
Какой-нибудь мегеры злобной,
Супружескому кошелю
Мешающей, тем лучше : шлю
Согласье и программы пробный
Листок. На этот раз состав

Чтецов я изменил: с докладом,
Футуристический устав
Всем из'ясняющим, и рядом
Умело выбранных цитат
Живописующим свой тезис,
Намечен Ховин, кто, поэзьясь,
На красноречье тароват.
А чтоб слегка разнообразить
Концерт, решаю дать сюрприз:
Позвать с собою поэкстазить
Какую-либо из актрис.
Но так как их удел — отвратно
Читать стихи, хоть имена
Порой звучат довольно знатно,
Совсем особая нужна
Актриса мне: нужна актриса,
Как говорят, не из актрис.
Но как найти её? повис
В печали нос, и я у мыса
Раздумья, пригорюнясь, смолк.
В уме проходит целый полк
Знакомых женщин. Но кого-же
Из них избрать: ведь, не похожа
На чтицу ни одна из них,
Из этих близких и чужих?
Но вдруг, внезапно осенённый
Найдем, свойственным орлу,
Подсаживаюсь я к столу
И Сонечке, в экстаз влюбленной,
Шлю телеграмму: „Ты нужна
Немедленно.“ — И вот она,
Спустя два дня, передо мною
Уже стоит: „Что хочешь ты?“ —

— „Вот книгу я тебе раскрою,
И ты, во имя Красоты,
Прочти мне маленький отрывок
Из этой пьесы.“ — „Хорошо.“
И просто, ярко и свежо
Она читает. Вижу: гривок
Ржи золото, и плеск ручья
В польский полдень слышу... — „Чья,“
Шепчу восторженно: — „Чья школа
Тобой окончена?“ — „Эола,
Любви и Вакха, и твоя“,
Мне отвечает, улыбаясь,
Безгрешная и голубая,
С такой кристальной простотой...
И я кричу в восторге: „Стой!
Мне так нужна была артистка,
Но если в мире нет актрис,
Да будь актрисою курсистка!
Ура! так хочет мой каприз.“ —
И в тот же вечер, овагоня
Ее, я проводил домой:
К родителям спешила Соня
В свой Минск, напудренный зимой.
Концерты через две недели
Должны начаться, а пока —
На юг депеши полетели:
Я взял Буяна за бока!

2.

А дни идут, день дня лукавей.
Со мною дружен некий бес...
Концертом в Катеринославе
Начнётся третий путь поэт,

Она могла бы быть не тут?!.
Ее мозги, ведь, не в маразме,
Чтоб не итти, когда зовут
Прославленные повсеместно,
Поставленные на виду...
Я с нею быстро речь веду:
— „Итак, да будет Вам известно,
Что Вы с сегодняшнего дня
Актриса; поняли меня,
Надеюсь?“ Предложенье лестно
Для девушки „ни то — ни сё“,
И вмиг мы с ней решаем всё.
Она читает. Эта проба
Совсем прилична. Я хвалю,
И мы смеемся с нею оба,
И я почти ее люблю...
— „До завтра, девочка! Курьерский
На юг уходит в семь часов.“ —
Она встает, мне бросив дерзкий
И пылкий взгляд, в которм зов.
А завтра утром, звонко-звонко
Меня целуя, гонит сон
И тормозит со всех сторон
Ворвавшаяся в спальню Сонка!
Послав Зиновке от Гурмэ
Конфekt, садимся в поезд трое —
Победоносные герои
В своей поэзокутерье.

3.

Опять встречает нас Буян
С помощниками на перроне;
Опять я чувствую в короне

Себя, и вновь, как прежде, пьян
Вином, стихами и успехом;
Опять улыбками и смехом,
Цветами нежа и пьяня,
Встречают женщины меня, —
Но предан я иным утехам:
Я в Сонку не шутя влюблен
И страстью к Сонке распален...
Концерт, отзвученный помпезно,
Уже прошел. Успеху рад,
Буян в Елисаветоград
Зовёт проехать нас любезно,
Но перед этим, в честь удач,
Решает пир задать богач:
Опять оркестр, вино и бездна
Веселья: там хоть всё разрушь!
И Cordon vert, и Cordon rouge...
И Сонка с помпою шампанской
Царит над пиром, вся экстаз:
О, Эсклармондой Орлеанской
Она недаром назвалась!
Я был свидетелем успеха
Ее эстрадного, и эхо
Рукоплесканий огневых
До сей поры в ушах моих:
— „Брависсимо! Виват! и браво!“
Почти стонала молодёжь.
Так неожиданная слава
К тебе идёт, когда не ждешь.
И если-б Сонка в эту эру
Поверила в свой редкий дар,
Она бы сделала карьеру
Не меньше, чем сама Бернар.

С распущенными волосами,
Взяв костюм прямо в шолк
Стан забулавчив свой, стихами
Она будила в зале толк:
— „Откуда? что это за школа?
И кто ее учителя?“ —
А школа та была — Эола,
Любви и песен короля!

4.

Ее топит отэлья клетка,
Она спешит покинуть дом,
И вьется флагом вуалетка,
Когда на жеребце гнедом
Она устраивает гонки
С коляскою, везущей нас,
И в тёмно-синей амазонке, —
Вся вдохновенье, вся экстаз, —
Будя всеобщее вниманье,
Несется за город к Днепру,
Где историческое зданье
(Я вам его не отопру!)
Дворец Потемкина, а там,
Хотя нас не встречает сам
Великолепный князь Тавриды,
Какой простор! какие виды!
Какая солнечность зато!
И то в коляске, то в авто
Туда мы ездим постоянно;
И Сонка, наша Сонка, кто
Мне так вопстину желанна,
То впереди, то сзади нас

На жеребце своем гарцует
И взглядами меня целует,
И вдохновляет на Парнас...

5.

Собрав знакомым всем приветы
И запечатав их в конверт,
Мы в городе Елисаветы
Даем впервые свой концерт.
Успех повсюду неизменен,
И, может быть, когда-нибудь
В твою страну, товарищ Ленин,
Вернемся мы успех вернуть.
Давно красавицами славеи
Елисаветы Первой град.
Мужчина каждый обезглавен
Сердцами их, как говорят.
Брюнетки, рослые, смуглянки
С белками синими слегка —
Вас, южные израильтянки,
Я узнаю издалека.
И здесь по городу мы ездим,
И здесь осмотрен город весь,
И здесь, как и везде, мы звездим,
И здесь, как там, и там, как здесь.
И здесь настроен я амурно,
Влюбляясь в Сонку день за днём.
Вдруг на концерте Сонке дурно
Внезапно стало. Мы ведём
Ее поспешно за кулисы,
К ней вызвав экстренно врача:
Трепещем мы за жизнь курсисы...

Рука ее так горяча...
Уложенная на диване,
Она без чувств. Буян в кармане
Сжимает четвертной билет
И, постарев на пару лет,
В волнении, носится от лестниц
По коридорам и фойе,
Где девы продают Кайэ
И лимонад, и на прелестниц
Не смотрит. Он несется вскачь
И восклицает: — „Кто здесь врач?“ —
Но вот уже и доктор найден,
И начинается осмотр.
Врач улыбается. Он бодр.
И ей питье из виноградин
Вливает в рот. Мы ей пальто
Надев, ведём ее в авто.
Врач диагностирует, даже бровью
Не поведя: „Немного жар.
Обычный случай малокровья.“
И деньги, как в резервуар,
В карман кладя: „Au revoir“
С улыбкою сквозь зубы цедит...

6.

А Сонка дома стонет, бредит
И бурно мечется в бреду.
И вот я в номер к ней иду,
Склоняясь близко к изголовью,
И с исцеляющей любовью
По бреду вместе с ней бреду.
И вижу то, чего не видит,

Кто вместе с нею не тавридит,
И слышу то, чего чужой
Не слышит. Всей своей душой
Я жажду Соне исцеленья
И силой своего влюбленья
Ее в сознание привожу.
Она в спокойный сон грузится,
И грёзится ей небывлица:
— Она ступает на межу

В июльский день. И хищный ястреб
Играет с голубем, венки
Свивая клювами, где к астре
Так не подходят васильки.
И оба нежно ей гуторят,
Нашептывают про любовь.
Им волны нив зеленых вторят...
А птицы говорят: — „Готовь
В своем сердечке место страсти,
И одного из нас бери
Себе в мужья“... — И столько сласти
В речах. Но только — раз! два! три! —
Гром, молния и шторм, и тучи, —
И голубь прячется к ней в лиф,
А ястреб хищный и могучий
Взлетает к небу, весь порыв.
Захвачена его экстазом, —
Сама порыв, сама экстаз, —
Она следит влюбленным глазом
Его полёт, а он, как раз,
Кружась парит над головою,
Борясь презрительно с грозюю,
И Сонка, в жажде смелых душ,
Кричит ему: „О, будь мне муж!..“

Но... но...“ — И больше ни гу-гу.
— „Скажи, ты влюблена в другого?“
— „Я этого не говорю.“
— „Моею быть дала ты слово.“
— „Да, слово, данное царю
Поэзии, сдержу я свято.
Но после, после. Сердце смято
Большим несчастьем, но каким —
Не спрашивай: я не отвечу“. —
И, проклиная втайне встречу,
Из комнаты я вышел злым.

8.

И, несмотря на все успехи,
Сказав любви своей: „Прости“,
Велел Буяну сбросить вехи
Всего дальнейшего пути.
И, несмотря на уговоры,
На все Буяновы мольбы,
Я все нарушил договоры
И захотел простой пзбы,
Взамен роскошного отэля,
И вместо вин — воды ручья...
И, вмиг все цели обезцеля,
С печальной Сонкой, участь чья
Меня томила и терзала,
Уехал вскоре в Петербург.
И там мне Сонка показала
Такую мощность бурь и пург
Душевных, столько муки горькой,
Что я простил ей всё, и зорькой
Весенней в памяти моей

Она осталась. Только ей
Я не сказал о том ни слова,
И с ней расстался так сурово,
Так незаслуженно, что впредь,
Не зная, как в глаза смотреть,
С ней не хотел бы новой встречи,
Себя другими изувечив,
Которые в сравнение с ней, —
На протяжении тысяч дней
Утерянной, — идти не могут.
Не могут, ну и слава Богу...

Роман кончается, и плёнка
Печали душу облекла...
Но и тебе, то тихо-тонко,
То мрачно, то победно звонко,
Они звучат, — о Сонка! Сонка! —
Собора чувств колокола.

Книги Игоря-Северянина.

- т. I. „Громокипящий кубок“. (1905—12.)
Издание 1—7 — К-во „Гриф“, Москва, 1913—15.
Издание 8—10 — К-во „В. В. Пашуканис“, Москва
1918.
- т. II. „Златолира“. (1906—13.)
Издание 1—5 — К-во „Гриф“, Москва.
Издание 6 — К-во „В. В. Пашуканис“, Москва.
Издание 7 — К-во „Земля“, Петроград 1918.
- т. III. „Ананасы в шампанском“. (1903—15.)
Издание 1—2 — К-во „Наши Дни“, Москва 1915.
Издание 3—4 — К-во „В. В. Пашуканис“, Москва.
Издание 5 — К-во „Земля“, Петроград 1918.
- т. IV. „Victoria Regia“. (1908—15.)
Издание 1—2 — К-во „Наши Дни“, Москва 1915.
Издание 3 — К-во „В. В. Пашуканис“, Москва.
Издание 4 — К-во „Земля“, Петроград 1918.
- т. V. „Поэзоантракт“. (1903—11.)
Издание 1—2 — К-во „Северные Дни“, Москва
Издание 3 — (Автора) 1919.
- т. VI. „Гост безответный“ (1915).
Издание 1 — К-во „В. В. Пашуканис“, Москва.
Издание 2 — К-во „Земля“, Петроград 1918.
- т. VII. „Миррэлня“ (1916—17).
Издание 1 — К-во „Москва“, Берлин 1922.
- т. VIII. „Ручьи в лилиях“. (1896—1909)
Рукопись.
- т. IX. „Соловей“ (1918).
Издание 1 — К-во „Начануне“, Берлин 1923.
- т. X. „Настройка лиры“. (1910—18.)
Рукопись.

- т. XI. „Вервэна“ (1918—19).
Издание 1 — К-во „Odamees“, Юрьев 1920.
- т. XII. „Менестрэль“ (1919).
Издание 1 — К-во „Москва“, Берлин 1921.
- т. XIII. „Amoges“. Книга стихов Генрика Виснапу
С эстонского.
Издание 1 — Москва.
- т. XIV. „Фея Eiole“ (1920—21).
Издание 1 — К-во „Отто Кирхнер“, Берлин 1922.
- т. XV. „Утёсы Eesti“. Антология эстийской лирики
за 100 лет. Переводы из 35 поэтов.
Издание 1 — К-во „Вадим Бергман“, Юрьев.
Выйдет в 1925.
- т. XVI. „Предцветенье“. Книга стихов Марии
Ундер. С эстонского.
Рукопись.
- т. XVII. „Падучая стремнина“ (1922). Роман
стихах, в 2 частях.
Издание 1 — К-во „Отто Кирхнер“, Берлин 1922.
- т. XVIII. „Литавры солнца“ (1922—23).
Рукопись.
- т. XIX. „Колокола собора чувств“ (1923). Роман
стихах, в 3-х част.
Издание 1 — К-во „Вадим Бергман“, Юрьев.
- т. XX. „Роса оранжевого часа“ (1923). Поэма дет-
ства в 3-х частях.
Издание 1 — К-во „Вадим Бергман“, Юрьев.
- т. XXI „Взор неизмеримый“ (1923—24).
Рукопись.
- т. XXII. Рассказы в ямбах (1923—24).
Рукопись.
- т. XXIII. „Спутники солнца.“ (1924.)
Статьи об искусстве. Рукопись.